

ГОДЫ И СУДЬБЫ

Третья - 1996 - 30
мая - с 5

ПАЛЬЧИКИ В ПЛАСТИЛИНЕ

Заслуженному художнику России, скульптору Валентину Михалеву в начале его творческой деятельности позировали выдающиеся артисты МХАТа Алла Тарасова и Алексей Жильцов. Вспоминая то время, скульптор рассказывает о встрече с артистами.

В пятьдесят шестом МХАТ приехал на гастроли к нам в Архангельск. В составе труппы были народные артисты А.Тарасова и А.Жильцов. Я тогда считался еще молодым скульптором, хотя кое-какой опыт уже имел. И вот, набравшись храбрости, обратился прямо к Алле Константиновне Тарасовой: мечтаю, мол, выполнить ваш портрет. А сам смотрю на нее во все глаза: еще бы, национальная гордость, великая актриса, к тому же совершенно обворожительная женщина.

Она удивилась. Сказала, что в городе будет не больше трех дней и вряд ли найдет время для позирования. Я стал уверять, что работаю быстро, — допустим, если сегодня начну, то за два-три сеанса в студии исполню портрет. Небольшая пауза. И решение: «Ни о какой студии речи быть не может, приходите в театр во время антракта».

В мастерской я сделал из пластилина композицию в размер будущего портрета и поехал в театр. В артистической уборной поставил свою заготовку на высокую тумбу и ждал прихода Тарасовой. Появилась Алла Константиновна — в аромате дорогих духов, в ярком длинном раз-

ноцветном халате, царственно осанистая. Вошла важно, плавно и вдруг закричала: «Марья! Марья! Где ты пропала, принеси мне стакан горячего чая, сахар отдельно!» Равнодушно прошествовала вокруг тумбы с «абстрактным» пока объемом и спросила, где ей сидеть. Из-за шторы вышла скромная, похожая на деревенскую женщина с подносом. И опять — резкий тон: «Не туда, кому сказала, здесь поставь!» Стать свидетелем такой сцены я не предполагал, но, от всего отрезавшись, энергично начал лепить. Вначале Тарасова позировала спокойно, не обращая внимания на мою работу. Зашедшему Жильцову сказала: «В Москве ни один скульптор не лепил с меня портрет, а вот приехала на Север, — пожалуйста, мне сюрприз!»

На следующий день Тарасова пришла неожиданно. Я услышал ее красивый взволнованный голос: «Что вы делаете с моим лицом, у вас оно все в морщинах и старое!» Взяв стек из моих рук, актриса стала быстро кромать начатую работу: гладить, скоблить, что-то срезать, приговаривая, что брови у нее короче, подбородок меньше... Я молча на-

блюдал, как пропадает мой труд, но не мог остановить Тарасову, реакция была бы бурной. Протирая полотенцем свои пальчики от пластилина, она уверенно подошла ко мне, повернулась в сторону «произведения» и... на мгновение растерялась. Поняла, что натворила. Но кураж еще не прошел, и она пробормотала: «Нос кривой, глаза разные»... Этот случай смягчил ее нрав. Больше к скульптуре она не прикасалась.

Молодые актеры труппы к нам не заходили, приходил только Алексей Васильевич Жильцов. Ему нравилась моя работа. Он сказал, что его лепил известный скульптор Вучетич и попросил, к моему удивлению, чтобы я для него выполнил его портрет. Лепил я Жильцова в своей мастерской в глине: вечером был в театре у Тарасовой, а днем позировал мне Жильцов. У него было выразительное, пластичное лицо, крупная фигура, вальяжная осанка, барственные манеры. Он много рассказывал о сценических

буднях, о забавных случаях актерской жизни.

Сеансов с натуры, конечно, было недостаточно, и я работал по памяти, один. Однажды не заметил, как со сцены явилась Тарасова в обличье героини Островского и, сняв шикарный головной убор, стала мне позировать. Она не «отошла» от роли и в своем творческом возбуждении была прекрасна — и, кстати, почти без грима!

В последнюю нашу встречу Тарасова, одарив меня очаровательной улыбкой, вручила свою фотографию с добрыми пожеланиями.

Актриса уехала в столицу. А портрет Тарасовой попал в собрание Российского театрального музея имени А. Бахрушина.

Валентин МИХАЛЕВ.
***Портрет Аллы Тарасовой.**